

<http://doi.org/10.31861/pytlit2021.104.126>

УДК 821.353.1.09:27-23

ПАРАДОКСЫ СОВЕТСКОГО ДИСКУРСА 30-Х ГОДОВ: ОТ БИБЛЕЙСКОЙ МЕТАФОРЫ К ИДЕОЛОГЕМЕ ВОЖДЯ

Иринэ Модебадзе

orcid.org/0000-0001-5432-0243

irinamodeb@gmail.com

Доктор филологии, PhD, старший научный сотрудник

Отдел теории литературы и компаративистики

Тбилисский государственный университет имени Иванэ Джавахишвили

Институт грузинской литературы имени Шота Руставели

Ул. Костава 5, 0108, г. Тбилиси, Грузия

Тамар Цицишвили

t.tsitsishvili@yahoo.com

Доктор филологии, PhD, старший научный сотрудник

Отдел грузинской литературы

Тбилисский государственный университет имени Иванэ Джавахишвили

Институт грузинской литературы имени Шота Руставели

Ул. Костава 5, 0108, г. Тбилиси, Грузия

Аннотация. Вопрос об использовании в процессе утверждения советской идеологии библейских метафор на материале грузинской литературы ставится впервые. В статье проанализирована художественная и идеологическая функции метафоры „Столп Света” в рассказе Шалвы Дадиани „Метель”. Проведенное исследование выявило, что с учетом специфики грузинской культурной ментальности, базовые концепты-метафоры христианского Учения оказались действенным оружием советской пропаганды. В Библии „Столп Огненный”, „Облачный Столп” и „Столп Света” являются теофаниями – зримыми проявлениями присутствия Бога, а в рассказе Шалвы Дадиани „Столп Света” выступает в качестве аллегории Нового Мессии – Сталина. Концептуальное смешение приводит к переориентации близкой грузинскому читателю идеи мессианизма на мифологизированный образ „отца всех народов”, способствует

переносу свойств духовного Светоча из религиозной плоскости в советский дискурс. Воплощенная в вере в Спасителя триединая основа душевного равновесия (Вера, Надежда, Любовь) переносится на конкретный объект – иконический Образ советского Вождя со всем, что из этого следует и, в первую очередь, верой во всеведение и непогрешимость советского лидера, в необходимость (во имя светлого будущего) безусловного повиновения ведомых ведущему и т. д. Таким образом, путем переноса базовых ценностей традиционно-христианской понятийной сферы в советско-идеологическую создается новый идеологический концепт и формируется новая метафорическая модель советской действительности. Тем самым достигалась двойная цель: незыблемость советской идеологемы утверждалась на эмоциональном уровне, и, одновременно, подрывались многими поколениями выношенные уважение и доверие к Церкви – они переносилось на новое Учение и его адептов.

Ключевые слова: грузинская советская литература; Шалва Дадиани; „Метель”; библейские метафоры; советский дискурс 30-х годов; идеологема вождя.

Вступление

В истории советского государства 30-е годы XX века составили эпоху завершения формирования советской идеологической парадигмы: легитимизации советской идеологии как государственной, утверждения новых социальных иерархий, новой идентичности (советский народ) и основ мировоззрения „нового (советского) человека”. Именно в этот период происходит и окончательное утверждение культового образа Сталина – идеологемы¹ „отца всех народов”, на долгие годы определившей структуру общественных отношений в советском государстве. Ее основу составила включенная в идеологический дискурс построения нового счастливого общества модификация традиционной мифологемы вождя – харизматичной личности сверхчеловека, ставшая ведущим маркером советского метаязыка, или, по определению Р. Барта, „вторичного языка”, „вторичной

¹ Понятие идеологема мы используем в определении М. Бахтина, в самом широком смысле – как способ репрезентации той или иной идеологии (см.: Бахтин 1975). О функционировании политических идеологем см.: (Малышева 2009). О связи идеологических концептов (политических идеологем) с мифологемами см.: (Клушина 2014).

семиотической системы”, подразумевающей введение в рамки общей истории отвечающего тем или иным интересам мифологического построения (Барт 1996).

В процесс перекодировки базовых концептов лингвистической картины мира и внедрения нового мироощущения в массовое сознание активно была включена сфера искусства и, далеко не в последнюю очередь, литература того времени. Следует особо оговорить, что к концу 30-х годов практически был завершен начатый еще в 20-х годах т. н. „Ликбез” – государственная Программа ликвидации безграмотности. Всеобщая грамотность облегчала и упрощала технологию манипулирования общественным сознанием, однако уровень образованности массовой аудитории в целом по стране расценивался как начальный², и „говорить” с читателем литература должна была на понятном ему языке, т. е. используя легко усвояемую реципиентами систему художественных средств. А поскольку, „создавая образ и апеллируя к воображению, метафора порождает смысл, воспринимаемый разумом” (Арутюнова 1990: с. 10), а

разум склонен опираться на легкое и доступное, чтобы достигнуть более трудного и неуловимого. <...> метафора – это действие ума, с чьей помощью мы постигаем то, что не под силу понятиям. Посредством близкого и подручного мы можем мысленно коснуться отдаленного и недостижимого. Метафора удлиняет радиус действия мысли (Ортега-и-Гассет 1991: с. 207).

Соответственно, кратчайший путь к душам советских граждан пролегал через метафоризацию нарратива – неисчерпаемую сокровищницу создания составивших культовый образ вождя концептуальных метафор.

На фоне пересмотра, точнее, переоценки истории огромную значимость обрела симуляция биографии советского лидера, когда реальные факты заменялись их идейно-политическим подобием. Особо важно это было для формирования грузинского общественного сознания: новая интерпретация должна была навсегда вытеснить из

² По данным Всесоюзной переписи 1939 г., грамотных (в возрасте старше 9 лет) в стране было 81,2%, лиц со средним образованием – 7,8%, с высшим – 0,6% (см.: Родионова 2003: с. 5).

памяти саму возможность субъективной оценки реального прошлого, которое многие еще помнили. Этим объясняется наличие в грузинской литературе 30-х годов достаточно обширного пласта художественных текстов, посвященного юности Сосо Джугашвили/Иосифа Сталина³.

Вопрос об использовании в процессе утверждения новой идеологемы библейских метафор на материале грузинской литературы ставится впервые. По мнению авторов статьи, исследование функциональной специфики библейских аллегорий и метафорических образов в текстах советской эпохи не только дает возможность объективной оценки уровня образованности массового читателя того времени, но и способствует лучшему пониманию глубинных механизмов национальной культуры и их взаимодействия с процессами советизации грузинского общественного сознания.

В данной работе мы хотели бы обратить внимание на использование метафоры *ბათლის სვეტი* /natlis svet'i/ – *столп света* в рассказе известного грузинского писателя Шалвы Дадiani (1874–1959) „ქარბუქი“ /karbuki/ – „Метель“. Рассказ был написан в 30-е годы прошлого века и выдержал ряд переизданий на грузинском языке⁴, но давно уже утратил популярность, и в настоящее время практически забыт. Поскольку он был адресован грузинскому читателю и структурировался с учетом специфики культурной ментальности реципиентов, на русский язык этот рассказ не переводился⁵. Поэтому, прежде чем перейти к анализу художественного текста, считаем необходимым сказать несколько слов о базовой метафоре⁶ христианского Учения *Свет* (СвАть) в поле грузинской культуры.

³ См.: Modebadze and Tsitsishvili 2019.

⁴ Последнее издание датируется 1958. – Т. Ц.

⁵ С позиции переводчика следует отметить, что даже перевод и перенос отдельных цитат в русскоязычное культурное поле оказался чрезвычайно сложным. – И. М.

⁶ В труде „Метафоры, которыми мы живем“ американские исследователи Дж. Лакофф и М. Джонсон доказали, что базовые метафоры определяют мировоззрение людей (Лакофф и Джонсон 2004: с. 387–416). Именно к этому типу метафор следует отнести и основополагающий концепт христианской культуры – библейскую метафору нетварного света.

I. Библейская метафора *свѣтъ/свет/* в грузинской культурной ментальности

Прежде всего следует отметить, что канонический перевод библейской метафоры *свет* на русский язык в современном его понимании не совсем точен. Одним из концептуальных положений христианского Учения является дифференциация понятий света на *тварный* и *нетварный*. По словам В. Лосского,

иной свет, – говорят афонские монахи, – свойственно воспринимать уму, и иной чувству; чувственным светом обнаруживаются чувственные предметы, а светом ума является заключенное в мыслях знание. Следовательно, зрению и уму свойственно воспринимать не один и тот же свет, но каждое из них действует сообразно со своей природой и в пределах ее (Лосский 1991: с. 167).

Когда-то в русском языке это различие было зафиксировано и на графическом уровне: *нетварный* (божественный) свет писался через *Ѧ* (малый юс), *тварный* – через *Ѣ* (ять), но уже в начале XVIII века (в т. н. Гражданском шрифте Петра) буква *Ѧ* была заменена на современную „я”, после чего использовалась исключительно лишь в текстах на церковнославянском языке. Написания *свѣтъ* и *свѣтъ* (в церковных текстах) сохранялось в русском языке вплоть до реформы орфографии 1918 г., но после окончательного упразднения этих букв даже в современном тексте Евангелия мы всюду читаем *свет*. Корень *свят* сохранился в небольшом количестве связанных с Учением лексем (*святой, освятить, святцы* и т. д.). Еще меньше сохранилось слов, вернее, связанных с мистическим понятием *нетварного света* устойчивых словосочетаний с написанием через „ѣ” (*просветление, светлый ум* и др.). Различие постепенно утратило свою значимость и было забыто, что полностью соответствовало духу наступившей эпохи гоматеизма. Соответственно, и концепт *нетварный свет /свѣтъ/* большинством реципиентов перестал восприниматься как устойчивая метафора. Совершенно иная ситуация фиксируется в грузинском языке.

Грузинский язык – один из немногих живых древних языков мира⁷. В его активном словаре сохранился обширный пласт лексем, аналоги которых в других языках давно уже перешли в категорию архаизмов. В современном грузинском языке для обозначения света существуют два слова, полностью сохранивших свою функциональность. Разница между ними всем понятна. Это *შუქი* /shuki/ и *ნათელი* /nateli/. В первом случае речь идет о тварном (материальном) свете, во втором – о нетварном (мистическом). Именно от корня *ნათ* /nat/ образованы такие слова, как *ნათლისღება* /natlisgheba/ – Крещение (церковный праздник), *ნათლობა* /natloba/ – крещение (обряд), *ნათლია* /natlia/ – крестный/ая, *განათლება* /ganatleba/ – просвещение и многие другие. Таким образом, в грузинском языке библейская аллегория *свѦтъ/свет* четко дифференцирована на лексическом уровне.

Рассматривая метафору как культурный феномен, Дж. Лакофф подчеркивает, что базовые метафоры определяют структуру языка и их источник относится к сфере психологии, а не лингвистики (Лакофф и Джонсон 2004). С учетом этого факта считаем возможным утверждать, что сохраняя свою актуальность в лингвистической картине мира, понятийный ряд христианского Учения, в том числе и определение света/свѦта, все еще во многом определяет специфику грузинской культурной ментальности. С понятием нетварного света соотносится и метафорический образ столпа света/свѦта (*ნათლის სვეტი* /natlis svet'i/).

В Библии встречаются упоминания зримого явления Всевышнего в виде *столпа света/свѦта*.

В соответствии с Книгой Исход Ветхого Завета, Облачный Столп, Огненный Столп, он же Столп Света - явления одного содержательного ряда богоявления, знаковая основа теофании, видимые образы, которые на трудном пути предводительствуют избранному народу⁸ (Gonjilashvili 2014: с. 32).

⁷ В современном мире по различным данным насчитывается 5, 6, 9 или 10 живых древних языков. – И. М.

⁸ Здесь и в дальнейшем перевод цитат с грузинского языка мой. – И. М.

Поэтому ни у кого не возникает сомнений в том, что всем известные слова Символа веры однозначно указывают на трансцендентную природу Всевышнего:

Верую <...> в единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, рожденного от Отца прежде всех веков: Света от Света⁹, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, одного существа с Отцом... (Символ веры, 2).

Этот тезис полностью раскрыт в Новом Завете, а также в Апостольском учении:

В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его. <...> Был свет истинный, Который просвещает каждого человека, приходящего в мир (Ин. 1:4–5, 9).

Я свет миру; кто последует за мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни (Ин. 8, 12).

Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облачимся в оружие света (Рим. 13, 12).

Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа (2 Кор. 4, 6).

Наша небольшая выборка наглядно свидетельствует: метафора нетварного света не только соотносится с понятием трансцендентности Всевышнего, но и равнозначна теонимам Бога-Отца¹⁰ и сына Божьего¹¹, а также концепту истинной Веры как Высшей истины /смысла земной жизни/. „В образе света выражается одновременно трансцендентность и имманентность Бога: он исходит свыше, но пронизывает всю повседневную жизнь” (Райкен, Уилхойт и Лонгман 2005: с. 1034).

⁹ Выделение в цитатах слов, имеющих в грузинском языке написание с корнем ბჿო/pat, мое. – И. М.

¹⁰ Теоним (от др.-греч. Θεός – „Божество, Бог” и ὄνομα – „имя”) Свет (свАт) – одно из катафатических (утвердительных) божественных имен. В „Ареопагитиках” св. Дионисий Ареопагит именуется Бога духовным или умственным Светом, распространяющим Благой Свет. – И. М.

¹¹ Свет миру – одно из имен Спасителя, Иисуса Христа, который в богословских трудах неоднократно именуется как Источник света (свАта), Духовный Светоч, Светоч. – И. М.

Истина предстает *откровением* свыше и также определяется понятием *свет* (свѦтъ), понимаемым как символ спасения и новой жизни. Именно к этой метафоре апеллирует и широко распространенная в грузинской культуре метафора *ბათლის ბურჯი* /natlis burji/ – *опора света* (свѦта), выражающая мессианистскую идею знания/служения Истине (ср. с русскими соответствиями: *опора веры*, а также редко употребительным на сегодняшний день *светило* /в какой-либо области знания/).

В своем рассказе Ш. Дадиани апеллирует исключительно к понятию нетварного света как метафоре высшей истины и к метафорам *опора света* (свѦта) и *столп света* (свѦта) как зримой теофании нового Мессии/Спасителя.

II. Библейские метафоры в контексте рассказа Ш. Дадиани „ქანბუჯი“ /„Метель”/

Прежде всего следует отметить, что рассказ Шалвы Дадиани является симуляцией одного из эпизодов биографии Сталина, а именно воспроизводит картину побега из Нарымской ссылки (сентябрь 1912 г.). Художественное пространство моделируется в соответствии с распространенными в Грузии стереотипами „северной страны”: тайги, Сибири, морозов и т. д. Действие из летней жары болотистой Томской области переносится в морозную зиму, плавание по реке Обь на корабле до Томска, а затем путешествие на поезде заменяет описание сложного пешего перехода во время метели по заиндевевшему таежному лесу.

Нарратив построен на аллюзиях, апеллирующих к кодовым символам советской риторики, и призван внушить целевой аудитории веру в то, что герой рассказа олицетворяет собой неизбежную победу Добра (Света /Истины /борьбы за построение нового общества/) над Злом (Тьмой /Старым миром/). Вечное противостояние предстает как противоборство персонифицированных сил – Путника и Тароса (Ненастья¹²). Поскольку единоборство не соответствует духу марксизма и идее классовой борьбы, противоборство решается как схватка армий: на стороне Метели /старого мира/ сражаются „рыцари Тароса” – Буран, Пурга,

¹² В древнейшей мифологии Тарос – Бог ненастья.

Курево (за отсутствием грузинских соответствий транскрибировано с русского языка) и отряды ветров. Они

зверствовали и [стремились. – И. М.] покорить это тело, сломить дух, сделать недвижимым <...> На стороне Тароса была хаотичная, но жестокая армия: пронизывающий ветер, <....> делающий недвижимым [все живое. – И. М.] мороз. Сам же [Путник. – И. М.] был один, легко одет... (Dadiani 1958: с. 10)¹³.

Тут же подчеркивается, что одиночество Путника лишь внешнее, вернее, физическое:

у него были товарищи, был народ, был великий учитель, только сейчас они были далеко от него <...> Хотя он знал, что и сейчас с ним была любовь народа, и это согревало его мужественное сердце. <...> Он потому и шел сейчас, что должен был быть с ними, с этим народом, с этими товарищами, с этим своим великим учителем, чье лицо и слова всегда оставались в его душе (с. 11).

Художественная интерпретация перекликается с реальной ситуацией. Бывший вместе со Сталиным в нарымской ссылке латвийский социал-демократ, меньшевик Эрнест Озолиньш /Ernests Ozoliņš/ рассказывает, что

Осенью 1912 года в Кракове намечалось совещание большевиков, на которое должен был явиться и Сталин. Партия поручила Сталину руководство большевистской фракцией в государственной думе, хотя сам он и не был членом думы. Так что уже по этой причине Сталину следовало спешить с побегом (Озолиньш 2002).

Любовь народа, слова великого учителя, товарищи – все это маркеры, призванные подчеркнуть тесную связь продолжателя дела Ленина с партией большевиков и советским народом.

¹³ В дальнейшем цитируем по этому изданию с указанием страниц в скобках (перевод с груз. мой). – И. М.

Центральними смислополагаючими розповіді виступають метафори *ბურჯო ბათლის სვეტისა* – *опора столпа света* и *ბათლის სვეტი* – *столп света*.

В начале розповіді Путник уподобляється „*большой опоре столпа света /свАта/*” (*ბურჯო ბათლის სვეტისა*), що однозначно вказує на історическу /месіаністську/ значимість вождя на шляху радянського народу до світлому майбутньому. Писатель пояснює одержання Путником зримого образу Свєточа (джерела нетварного /духовного/ світла) реальною причиною: в час боротьби з персоніфікованою в образі Тароса ворожою *темною силою*, протистоїть його руху, все тіло Путника покриває иней. При цьому, прагнучи його заморозити,

Тарос не замечал, що ще більше окутывал его светом /свАтом/. Так що тепер уже замість Путника рухався величезний стовп /опора/ столпа света /свАта/ (с. 11).

Аллюзія на біблейську значимість світла /свАта/ як метафори Істини, символу спасіння і нової життя від цього не зникає, але посилюється. В боротьбі з темними силами старого світу сила нового вчення (марксизму) і його месії (Сталіна) лише зміцнюється, що передається в фіналі розповіді новою метафорою – тепер уже Путник власне і є *столп света /свАта/*, побачив який, „темні сили розсіваються”. Ось як це відбувається в художественній реальності розповіді: в віддаленому таємному перехресті кабаки, де розважаються з жінками легкого поведіння поліцейські (лицетворення старого світу), *вихор* відкриває двері, і

...В это логово вошел непонятный собравшимся большой пучок/сгусток столпа света /свАта/. При виде его <...> темные силы рассеялись (с. 12).

Епізод переключиться з Євангелієм від Марка:

И, встав, Он запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И ветер утих. И сделалась великая тишина (Мк. 4, 39).

Безусловно, заслуживает внимания динамика использования этих метафор. В начале рассказа светозарность Путника (свойство Светоча) малозаметна. Пока лишь только ненавязчивый намек может навести читателя на мысль о наличии у Путника внутреннего света /свАта/:

Метель окутала/охватила его вихрем, ослепила снежинками цвета пыли, мгновенно обратив в крошечные льдинки усы и ресницы, и от этой ледяной белизны все вокруг как-то вдруг потемнело (с. 10).

Однако по мере того как Тарос старается, заморозив, остановить его и помешать продвижению по избранному пути, ситуация кардинально меняется – чем больше атак озверевшего Тароса выдерживал Путник, тем более интенсивным становился его внутренний свет. И в финале рассказа он уже не просто похож на *опору столпа света /свАта/*, но собственно и есть *столп света /свАта/* (с. 11–12). Четко проступает подтекст: если на начальном этапе революционной борьбы еще далеко не всем было дано видеть присущую будущему вождю харизму и осознать предназначенную ему историческую миссию, то постепенно массы прозрели. Теперь уже даже враги (темные силы зла), которые, хотя и не способны *понять*, не могут отрицать присущую ему силу, и только от одного его вида попросту *рассеиваются*.

Таким образом, использование при создании художественного образа советского лидера библейских метафор указывает на мессианистскую функцию харизматичного вождя – столпа /опоры/ нового Учения (марксизма-сталинизма), призванного, заменив старое (христианское), изменить мир к лучшему. Его историческая миссия как Спасителя/Мессии подчеркивается целым рядом художественных приемов. Приведем лишь один пример.

В тексте Путник неоднократно назван „Он”: *Он шел, Он не останавливался* (с. 10). Инкогнито раскрывается лишь в самом конце. В грузинском языке личное местоимение третьего лица звучит как *oᵛ /is/*, и в финальной фразе оно преобразуется в омонимичный акроним всем известных инициалов:

„*ი.ს. ქართულად ამ ნაცვალსახელში გამოთქმულია მისი ვიზაობა*“

/„И.С. На грузинском этим местоимением выражена его личность”/ (с. 12)¹⁴.

Графически грузинская фраза ассоциируется с контрактурой (лат. Contractura) – характерным для церковных текстов сокращенным написанием слов, поэтому и само пояснение также ассоциируется с древнейшей библейской традицией запрета на упоминание имени Бога. В частности, в грузиноязычных текстах Псалмов, церковных гимнов, молитв, а также в произведениях древнегрузинской литературы и т. д. упоминание имени Всевышнего традиционно заменяется местоимениями, чаще всего относительными (напр., *кто, который*). Большинство подобных текстов (таких, как, напр., Псалтырь, поэма Руставели и др.) общеизвестны и достаточно популярны и в наши дни. Привлекает внимание и совершенно лишнее в грузиноязычном тексте уточнение *на грузинском*, которое у маститого автора никак не может быть опiskой. Наиболее вероятно, что оно указывает на то, что „И. С.” может быть прочитано и на другом языке. На что именно мог указывать писатель, легко обнаруживается в славянской церковной традиции, где акронимом принято обозначать имя Христа Спасителя **Ѡ ХѠ** (первая и последняя буквы имени под титулом). Именно такую надпись видим на русских, болгарских и сербских иконах. Первая пара букв **IC** (ИС) обозначает имя (**И**ису**С**), но, прочитанная *по-грузински*, она омонимична местоимению *он*, или же инициалам **И. С.**

Конечно, эта, достаточно сложная для декодировки, аллюзия могла иметь различные варианты реципиентов – прямым адресатом, вероятнее всего, должен был быть сам вождь – имевший богословское образование Иосиф Сталин, который внимательно читал все, что о нем писалось. Однако и простой грузинский народ, основная масса которого еще не утратила уважения к Церкви, как охранному механизму национальной культуры, вряд ли мог забыть,

¹⁴ Выделение слов в тексте мое. – *И. М.*

как выглядят святые Образа (за годы утраты грузинской Церковью автокефалии и подчинения Российскому Синоду в грузинских церквях скопилось немало русских икон). В любом случае, намек достаточно прозрачен: вождь советского народа – сверхличность, Спаситель, Мессия высшей Истины (марксизма-сталинизма), чей путь приведет его последователей ко всеобщему счастью и благоденствию.

Заключение. От метафоры к идеологеме

Таким образом, в результате трансформации метафоры столб /опора/ столпа света /свАта/ → столп света /свАта/ создается новая метафорическая модель советской действительности¹⁵ формируется новый идеологический концепт, объединяющий две различные понятийные сферы – традиционно-христианскую и советско-идеологическую.

При помощи библейских метафор осуществлялся перенос осмысления свойств духовного Светоча из религиозной плоскости в советский дискурс. Концептуальное смешение привело к переориентации давно понятной грузинскому читателю идеи мессианизма на мифологизированный образ „отца всех народов”. Воплощенная в вере в Спасителя триединая основа душевного равновесия (Вера, Надежда, Любовь) переносилась на конкретный объект – иконический Образ советского Вождя со всем, что из этого следует и, в первую очередь, верой во всеведение и непогрешимость советского лидера, в необходимость (во имя светлого будущего) безусловного повиновения ведомых ведущему и т. д.

Сам факт использования для создания иконического образа вождя библейских метафор свидетельствует о том, что, в отличие от литератур большинства народов СССР, где в аналогичных целях, как правило, использовались универсальные архетипы и традиционные этносимволы (в качестве эпитетов)¹⁶, для глубинных установок культурной ментальности грузинского народа базовые концепты-метафоры христианского Учения были не менее действенным оружием советской пропаганды. Тем самым

¹⁵ Об основных принципах создания политических метафор см.: (Чудинов 2001).

¹⁶ См.: Tsitsishvili and Modebadze 2019: с. 137–148.

достигалась двойная цель: незыблемость советской идеологемы утверждалась на эмоциональном уровне, и, одновременно, подрывалось многими поколениями выношенные уважение и доверие к Церкви – они переносились на новое Учение и его адептов.

- Арутюнова, Н. (1990). Метафора и дискурс. Вступительная статья. В: *Теория метафоры*. Сборник. Москва : Прогресс, с. 5–32.
- Барт, Р. (1996). *Мифологии*. Перевод с французского С. Зенкина. Москва : Издательство имени Сабашиных, 312 с.
- Бахтин, М. (1975). Слово в романе. В: Бахтин, М. *Вопросы литературы и эстетики*. Москва : Художественная литература, с. 72–233.
- Клушина, Н. (2014). Теория идеологем. *Политическая лингвистика*, № 4 (50), с. 54–58.
- Лакофф, Дж. и Джонсон, М. (2004). *Метафоры, которыми мы живем*. Перевод с английского А. Баранова и А. Морозовой. Москва : Едиториал УРСС, 256 с.
- Лосский, В. (1991). *Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие*. Москва : Центр „СЭИ”, 289 с.
- Малышева, Е. (2009). Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация. *Политическая лингвистика*, № 4 (30), с. 32–40.
- Озолиньш, Э. (2002). Каким я помню Сталина. *Даугава*, № 4, с. 128–142. URL: <http://istmat.info/node/48167> (дата обращения: 7 марта 2019).
- Ортега-и-Гассет, Х. (1991). Две главные метафоры. Перевод с испанского Б. Дубина. В: Ортега-и-Гассет, Х. *Эстетика. Философия культуры*. Москва : Искусство, с. 203–218.
- Райкен, Л., Уилхойт, Д. и Лонгман, Т. (ред.) (2005). *Словарь библейских образов*. Санкт-Петербург : Библия для всех, 1424 с.
- Родионова, И. (сост.) (2003). *Советская идеология в 30-ые годы XX века. Методические рекомендации по курсу „Отечественная история”*. Москва : Московский государственный институт электроники и математики, 30 с.
- Чудинов, А. (2001). *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)*. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 238 с.

На грузинском языке:

- Dadiani, Sh. (1958). *Rcheuli thzulebebi*. T' I. Tbilisi : sabch'ota sakartvelo, gv. 9–15. (დადიანი შალვა. *რჩეული თხზულებები*. ტ. I. თბილისი : საბჭოთა საქართველო, 1958, გვ. 9–12. [Дадияни, Ш. (1958). *Избранные произведения*. Том I. Тбилиси : Сабчота Сакартвело, с. 9–12]).
- Gonjilashvili, N. (2014). Natlis svet'is paradigma “vepkhistq'aosanshi” (dzveli kartuli mts'erlobis tkhzulebebata k'ont'ekst'shi), N. I. *Literaturuli dziebani*, XXXV. Tbilisi, 2014, gv. 9–32 (გონჯილაშვილი ნანა. *ნათლის სვეტის პარადიგმა. „ვეფხისტყაოსანში“ (ძველი ქართული მწერლობის თხზულებათა განხილვის კონტექსტში) ნაწილი 1. ლიტერატურული ძიებანი*, XXXV. თბილისი, 2014, გვ. 9–32). [Гонджилашвили, Н. (2014). Парадигма столпа света в „Витязе в тигровой шкуре” (в контексте исследования произведений древнегрузинской литературы). Часть 1. *Литературные разыскания*, XXXV. Тбилиси, с. 9–32].
- Modebadze, I. and Tsitsishvili, T. (2019). Xelisuplebis mts'vervalze: 1930-ani ts'lebis sabch'ota disk'ursis mivits'q'ebuli purtslebi. In: *Stalinis ideologema da mitologema kartul sabch'ota da emigrant'ul lit'erat'urashi*. Tbilisi : Mts'ignobari, gv. 94–137. (მოდებაძე ირინე, ციციშვილი, თამარ. ხელისუფლების მწვერვალზე: 1930-ანი წლების საბჭოთა დისკურსის მივიწყებული ფურცლები. *სტალინის იდეოლოგემა და მიოლოგემა ქართულ საბჭოთა და ემიგრანტულ ლიტერატურაში*, ტ. II. თბილისი : მწიგნობარი, გვ. 94–137). [Модебадзе, И. и Цицишвили, Т. (2019). На вершине власти: забытые страницы советского дискурса 1930-ых годов. В: *Идеологема и мифологема Сталина в грузинской советской и эмигрантской литературе*. Том II. Тбилиси : Мцигнобари, с. 94–137].
- Tsitsishvili, T. and Modebadze, I. (2019). Stalinuri epokis poet'uri diskursis alegoriebi. In: *Stalinis ideologema da mitologema kartul sabch'ota da emigrant'ul lit'erat'urashi*. Tbilisi : Mts'ignobari, gv. 137–148. (ციციშვილი, თამარ, მოდებაძე ირინე. სტალინური ეპოქის პოეტური დისკურსის ალეგორიები. *სტალინის იდეოლოგემა და მიოლოგემა ქართულ საბჭოთა და ემიგრანტულ ლიტერატურაში*, ტ. II. თბილისი : მწიგნობარი. გვ. 137–148). [Цицишვილი, Т. и Модебадзе, И. (2019). Аллегии поэтического дикурса сталинской эпохи. В: *Идеологема и мифологема Сталина в грузинской советской и эмигрантской литературе*. Том II. Тбилиси : Мцигнобари, с. 137–148].

ПАРАДОКСИ РАДЯНСЬКОГО ДИСКУРСУ 30-Х РОКІВ: ВІД БІБЛІЙНОЇ МЕТАФОРИ ДО ІДЕОЛОГЕМИ ВОЖДЯ

Іріне Модебадзе

orcid.org/0000-0001-5432-0243

irinamodeb@gmail.com

*Доктор філології, PhD, старший науковий співробітник
Відділ теорії літератури і компаративістики
Тбіліський державний університет імені Іване Джавахішвілі
Інститут грузинської літератури імені Шота Руставелі
Вул. Костава 5, 0108, м. Тбілісі, Грузія*

Тамар Ціцішвілі

t.tsitsishvili@yahoo.com

*Доктор філології, PhD, старший науковий співробітник
Відділ грузинської літератури
Тбіліський державний університет імені Іване Джавахішвілі
Інститут грузинської літератури імені Шота Руставелі
Вул. Костава 5, 0108, м. Тбілісі, Грузія*

Анотація. Питання використання у процесі утвердження радянської ідеологемі біблійних метафор на матеріалі грузинської літератури порушується вперше. У статті проаналізовано художню та ідеологічну функції метафори „Стовп Світла” в оповіданні Шалви Дадіані „Завірюха”. Проведене дослідження виявило, що з урахуванням специфіки грузинської культурної ментальності, базові концепти-метафори християнського Вчення виявились дієвою зброєю радянської пропаганди. У Біблії „Стовп Огню”, „Стовп Хмари” та „Стовп Світла” є теофаніями – зримими проявами присутності Бога, а в оповіданні Шалви Дадіані „Стовп Світла” виступає як алегорія Нового Месії – Сталіна. Концептуальне змішування призводить до переорієнтації близької грузинському читачеві ідеї месіанізму на міфологізований образ „батька всіх народів”, сприяє перенесенню властивостей духовного Світоча з релігійної площини в радянський дискурс. Втілена у вірі в Спасителя триєдина основа душевної рівноваги (Віра, Надія, Любов) переноситься на конкретний об’єкт – іконічний Образ радянського Вождя з усім, що з цього випливає і, насамперед, вірою у всезнання та непогрішність радянського лідера, у необхідність (в ім’я світлого майбутнього) безумовного послуху проваджених провіднику тощо. Отже, шляхом перенесення базових цінностей традиційно-християнської понятійної сфери до радянсько-ідеологічної створюється новий ідеологічний концепт і формується нова метафорична модель радянської дійсності. Тим самим досягалася подвійна мета: непорушність радянської ідеологемі

утверджувалася на емоційному рівні, і, водночас, підривалися виношувані багатьма поколіннями повага і довіра до Церкви – вони переносилися на нове Вчення та його adeptів.

Ключові слова: грузинська радянська література; Шалва Дадіані; „Завірюха”; біблійні метафори; радянський дискурс 30-х років; ідеологема вождя.

PARADOXES OF THE 30S SOVIET DISCOURSE: FROM THE BIBLICAL METAPHOR TO THE IDEOLOGY REPRESENTATION OF THE LEADER

Irine Modebadze

orcid.org/0000-0001-5432-0243

irinamodeb@gmail.com

*Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature
Kostava st., 5, 0108, Tbilisi, Georgia*

Tamar Tsitsishvili

t.tsitsishvili@yahoo.com

*Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature
Kostava st., 5, 0108, Tbilisi, Georgia*

Abstract. The study first raised the question of using biblical metaphors in the process of establishing Soviet ideology and creating a cult of the leader of the Soviet people. Authors tested the story “Blizzard” by Georgian writer Shalva Dadiani in the context of Georgian cultural mentality and studied the ideology function of the biblical metaphor “The Pillar of Light” in the discourse of Georgian Soviet prose.

An analysis of the text proved that in Georgian culture, the basic concepts-metaphors of Christian Doctrine were an effective weapon of Soviet propaganda. At Bible the “The Pillar of Fire”, “The Pillar of Cloud” and “The Pillar of Light” are theophany – the manifestations of the presence of the God. The biblical metaphor transformed into an ideology representation of the Soviet Leader and in the text of the Shalva Dadiani this is an allegory of the New Messiah – Stalin.

As a result, with the help of biblical metaphors were formed a new ideological concept (the Soviet leader is the Messiah of the New Doctrine) and the new metaphorical model of Soviet reality.

Thus, by transferring the basic values of the traditional Christian conceptual sphere to the Soviet ideological one, a new ideological concept is created and a new metaphorical model of Soviet reality is formed. This achieved a double goal: the

inviolability of the Soviet ideologeme was confirmed on an emotional level, and at the same time the respect and trust in the Church that had been carried for many generations was undermined – it was transferred to the new teaching and its adherents.

Keywords: Georgian Soviet literature; Shalva Dadiani; “Blizzard”; biblical metaphors; the Pillar of Light; Soviet discourse; ideology representation of the leader.

References

- Arutiunova, N. (1990). Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. In: *Teoriia metafory*. Moscow : Progress, pp. 5–32. (in Russian).
- Barthes, R. (1996). *Mifologii* [Mythologies]. Translated from the French by S. Zenkin. Moscow : Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, 312 p. (in Russian).
- Bakhtin, M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow : Khudozhestvennaia literatura, pp. 72–233. (in Russian).
- Klushina, N. (2014). Teoriia ideologem [The theory of ideologeme]. *Politicheskaia lingvistika*, no. 4 (50), pp. 54–58. (in Russian).
- Lakoff, G. and Johnson, M. (2004). *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Translated from the English by A. Baranov and A. Morozova. Moscow : Editorial URSS, 256 p. (in Russian).
- Loski, V. (1991). *Ocherk misticheskogo bogosloviia Vostochnoi tserkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie* [Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology]. Moscow : Tsentr „SEI”, 289 p. (in Russian).
- Malysheva, E. (2009). Ideologema kak lingvokognitivnyi fenomen: opredelenie i klassifikatsiia [Ideologeme as a lingo-cognitive phenomenon: definition and classification]. *Politicheskaia lingvistika*, no. 4 (30), pp. 32–40. (in Russian).
- Ozoliņš, E. (2019). Kakim ia pomniu Stalina [How do I remember Stalin]. *Daugava*, no. 4, pp. 128–142. (in Russian). URL: <http://istmat.info/node/48167> (accessed: 7 March 2019).
- Ortega y Gasset, J. (1991). Dve glavnye metafory [Two Great Metaphors]. Translated from the Spanish by B. Dubin. In: Ortega y Gasset, J. *Estetika. Filosofiiia kul'tury*. Moscow : Iskusstvo, pp. 203–218. (in Russian).
- Ryken, L., Wilhoit, J. and Longman, T. (eds) (2005). *Slovar' bibleiskikh obrazov* [Dictionary of Biblical Imagery]. Saint Petersburg : Bibliia dlia vsekh, 1424 p. (in Russian).
- Rodionova, I. (comp.) (2003). *Sovetskaia ideologiia v 30-ye gody XX veka* [Soviet ideology in the 30s of the XX century]. Moscow : Moskovskii gosudarstvennyi institut elektroniki i matematiki, 30 p. (in Russian).
- Chudinov, A. (2001). *Rossiiia v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg : Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 238 p. (in Russian).

In Georgian:

- Dadiani, Sh. (1958). Rcheuli tkhzulebebi [*Selected works*]. Vol. I. Tbilisi : Sabch'ota Sakartvelo, pp. 9–12. (in Georgian).
- Gonjilashvili, N. (2014). Natlis svet'is paradigma “vepkxistq'aosanshi” (dzveli kartuli mts'erlobis tkhzulebebata k'ont'ekst'shi) [The Pillar of Light Paradigm in “The Knight in the Panter's Skin” (in the Context of the Study of Ancient Georgian Literature)]. P. I. *Literary Researches*, vol. XXXV, pp. 9–32. (in Georgian).
- Modebadze, I. and Tsitsishvili, T. (2019). Xelisuplebis mts'vervalze: 1930-ani ts'lebis sabch'ota disk'ursis mivits'q'ebuli purtslebi [At the Apex of the Powers: Forgotten Pages of the Soviet Discourse of 1930s]. In: *Stalinis ideologema da mitologema kartul sabch'ota da emigrant'ul lit'erat'urashi* [Stalin's Ideologeme and Mythologeme in Georgian Literature of the Soviet Times and Georgian Emigrant Literature]. Vol. II. Tbilisi : Mts'ignobari, pp. 94–137. (in Georgian).
- Tsitsishvili, T. and Modebadze, I. (2019). Stalinuri epokis poet'uri diskursis alegoriebi [Allegories of Poetic Discourse of Stalin Epoch]. In: *Stalinis ideologema da mitologema kartul sabch'ota da emigrant'ul lit'erat'urashi* [Stalin's Ideologeme and Mythologeme in Georgian Literature of the Soviet Times and Georgian Emigrant Literature]. Vol. II. Tbilisi : Mts'ignobari, pp. 137–148. (in Georgian).

Suggested citation

Modebadze, I. and Tsitsishvili, T. (2021). Paradokсы sovetskogo diskursa 30-kh godov: ot bibleiskoi metafory k ideologeme vozhdia [Paradoxes of the 30s Soviet Discourse: From the Biblical Metaphor to the Ideology Representation of the Leader]. *Pitannâ literaturoznavstva*, no.104, pp. 126–144. (in Russian). <http://doi.org/10.31861/pytlit2021.104.126>

Стаття надійшла до редакції 18.06.2021 р.

Стаття прийнята до друку 21.07.2021 р.